Пал Притц
Механизм принятия решения о вступлении Венгрии в войну с СССР

Уважаемые дамы и господа!

Утром 27 июня 1941 года премьер-министр Ласло Бардошши сделал краткое заявление в парламенте Венгрии. В своём выступлении он отметил, что председатель парламента достойно заклеймил «выпад Советов как противоречащий народному праву и как не выдерживающий никакой критики». «Тем самым Венгерское королевское правительство, – продолжил он, - устанавливает сам факт, согласно которому Венгрия и СССР находятся в состоянии войны».

Так началось самое драматическое, а что касается последствий, самое тяжелейшее событие в венгерской истории двадцатого века, в то время как формально ничто не изменилось.

Само правительство не придало особого значения тому факту, что перед принятием решения глава государства не запросил его мнение, да и парламент упустил из вида саму возможность воспользоваться данным ему действующим правом.

А ведь закон давал возможность немедленно разрешить или запретить действия армии за пределами государства. (Правда, на рассвете того же дня венгерские самолёты поднялись в воздух для бомбардировки советских городов, а через несколько часов венгерские сухопутные войска перешли границу.)

Выступая перед народным судом в 1945 году, Бардошши заявил, что он не прибегнул к голосованию в парламенте, поскольку просто не знал, как надо действовать в подобных случаях.

- Я полностью осознаю теперь,- сказал он, - что я должен был знать о существовании этого закона. Но я думал только о том, что надо спешить, - признался Бардошши с поражающей откровенностью, - поэтому-то и сделал своё заявление.

Почему же надо было так спешить?

Тщательно проанализировав источники того времени, можно с полной уверенностью утверждать, что не было никакой ***непосредственной*** причины, оправдывавшей эту безответственную поспешность.

Но были ***косвенные*** причины, и их тяжесть была чрезвычайно велика.

1. С 1938 года по 1941 год трианонская Венгрия увеличила свою территорию с 93 тысяч квадратных километров до 170 тысяч квадратных километров. И это произошло не за счёт собственной мощи. По сути, это произошло благодаря мощи и воле гитлеровской Германии (разумеется, с учётом её корыстных целей). Из-за этого союзническую систему Берлина в Центральной Европе расшатывали чрезвычайно серьёзные внутренние противоречия. В момент провокации в Кашше 26 июня, кстати, до сих пор до конца невыясненной, только Венгрия не находилась в состоянии войны. Словакия и Румыния не скрывали своих надежд на то, что в благодарность за участие в войне Гитлер пересмотрит

в их пользу ранее принятые территориальные решения. У Венгрии были натянутые отношения с Хорватией, а что касается побеждённой Сербии,

то Венгрия не желала, чтобы та вернула себе прежний статус. Исходя из этого, в интересах Венгрии было очень важно поддерживать хорошие отношения с Берлином.

К июню 1941 года мощь Германии -- согласно международной оценке – была столь велика, что разгром СССР представлялся делом нескольких месяцев.

В 1938-39 годах Адольф Гитлер обращался за помошью к Венгрии в разгроме Чехословакии, весной 1941 года в разгроме Югославии, обещая возвращение значительных территорий, принадлежавших Венгерскому королевству до 1918 года. Но сейчас он ничего не просил. Он не хотел ничего просить, поскольку не желал обогатить Венгрию за счёт новых территорий. Поэтому Гитлер занял позу таинственного сфинкса. Он прекрасно понимал, что создавшееся положение само втянет Венгрию в войну. Этот рассчёт был вполне реальным, поскольку в силу военного сотрудничества Германии и Венгрии и политическое, и военное руководство страны находились под сильным давлением со стороны Германии.

В начале мая 1941 года глава Генерального штаба Венгерской армии Хенрик Верт направил премьер-министру докладную записку, суть которой заключалась в том, что война между Германией и СССР неизбежна, как неизбежно участие в этой войне Финляндии, Венгрии и Румынии.

Бардошши отлично понимал, что этот шаг Верта мотивирован полученной от германского Генерального штаба информацией. Как известно, план Барбаросса не содержал обращения к Венгрии с просьбой принять участие в нападении на СССР. А это – повторяем – лишь означало то, что фюрер настолько верил в зависимость Венгрии (с полным правом), что мог предположить: венгры сами ввяжутся в войну, а потому не может быть и речи о новых территориальных уступках.

Военные, однако, понимали, с каким безмерным риском связана война, поэтому старались углубить отношения с армией и стремились к тому, чтобы заставить Хенрика Верта и его окружение мобилизовать венгерское политическое руководство. Генерал Курт Химер, который играл роль связного между германским главнокомандованием армии и венгерским руководством в период подготовки войны на Балканах, продолжал оставаться резидентом в Венгрии и в конце мая 1941 года начал переговоры о венгерском сотрудничестве в подготовке планирующейся германской агрессии против СССР. Он был, правда,

корректен, заявив, что у него нет полномочий Берлина, но всё же раздавал советы по поводу мобилизации армии.

Под влиянием этих понуканий Верт подготавливает 31 мая и 14 июня новые докладные записки с целью оказать давление на премьер-министра.

Давление на Бардошши со стороны военных усугублялось дипломатическим нажимом венгерского посла в Берлине Дёме Стойяи. В донесении от 24 мая он прогнозирует нападение Германии на СССР на середину июня. Стойяи знал, что Гитлер не будет просит Венгрию принять участие в военных действиях, поэтому своими многочисленными донесениями играл на нервах Бардошши, заявляя, что румыны сыграют свою роль, что за участие в войне они получат Бессарабию и за свои «заслуги» добьются

ревизии второго венского решения. В целях устранения этой опасности Венгрия просто должна была предложить свои услуги Берлину.

2. Созданный в августе 1919 года режим вполне корректно можно охарактеризовать как ***ограниченный парламентский режим***. Выше

упомянутое положение создается в результате ментальности того времени.

В силу XVII-го закона от 1920 года Миклош Хорти мог начать военные действия при следующих двух условиях. 1. Необходимо получить ***предварительное*** согласие правительства. 2. Необходимо согласие парламента. Правда, достаточно получить его ***задним числом,*** но в любом случае это сделать надо «неотлагательно».

Но 26 июня около двух часов пополудни, то есть почти час спустя после бомбардировки Кашши, Хенрик Верт уже докладывает главе государства о провокации. Причём делает этот шаг в обход премьер-министра. Не заботясь о тщательной проверке, он заявляет о советском нападении.

Миклош Хорти был безмерно возмущён фактом бомбардировки и, не дожидаясь мнения правительства, принимает решение о введении военного положения.

Ласло Бардошши принял к сведению попрание права, а его правительство поддержало главу государства. Члены правительства -- за исключением некоторых – не обладали широким внешнеполитическим кругозором, посему не усмотрели в этом скоропалительном решении возможную опасность для страны.

Лишь 24 июля премьер-министр запросил разрешение парламента и 23 октября получил его. Разумеется, отцы отчизны не раздумывали месяцами над верным решением этого вопроса. Этот акт пластично отражает, насколько вступление в войну было решением всей официальной Венгрии того времени, а не просто необдуманным поступком одного-двух политиков.

3. Отсутствие внешнеполитического кругозора сопрягалось с идеологическим фанатизмом. Члены правительства были неспособны отделить идеологию от политики.

Идеологический фанатизм был отличительной чертой не только кабинета; в общем и целом он характеризовал весь режим.

В авангарде с главой государства.

-- Мне было бы стыдно, -- сказал Миклош Хорти своему премьер-министру, которого пригласил для обсуждения выполнения столь неправового решения, -- если бы я оставил без ответа это подлое нападение.

Для Бардошши оставались лишь два выхода: или подать в отставку,

или принять на себя ответственность за начало военных действий, при этом не играя никакой роли в самом процессе формирования решения.

Он выбрал последнее.

Нет достоверного ответа на вопрос, как развернулись бы события, если 26 июня после встречи с Хорти Ласло Бардошши не поспешит на заседание кабинета министров, а подаст прошение об отставке. Но существует достоверный факт, а именно: намного позднее, в марте 1942 года, когда ситуация была более сложной, нежели в июне 1941 года, преемником Бардошши стал человек, которого никак нельзя назвать ставленником

Германии. Сам Ласло Бардошши не смог бы назвать Миклоша Каллаи германским приспешником. Более того, он подвергал критике антигерманскую политику Каллаи, которая, по его убеждению, ставила

под угрозу интересы Венгрии.

И существует не поддающийся сомнению ответ на вопрос, каково было наследие правительства Бардошши.

В своё время Ласло Бардошши был министром иностранных дел в правительстве Пала Телеки. В отличие от Телеки он не был государственным мужем, он был лишь слугой отчизны, при этом отличался осмотрительностью или хотя бы стремлением к ней, что не всегда отмечается как его заслуга. Например, в апреле 1941 года, когда германские войска раньше намеченного срока, 6 апреля перешли германско-югославскую границу, а 7 апреля и вегерско-югославскую границу и начали успешную кампанию по захвату страны, Бардошши придерживался сценария, созданного его предшественником-самоубийцей; он дождался 10 апреля, то есть того момента, когда в Загребе провозгласили «независимую» Хорватию. И хотя югославские воздушные силы постоянно провоцировали Венгрию на военные действия, столкновения с Югославией не произошло.

Следует, однако, отметить, что Бардошши придерживался того сценария, который стал недействительным со смертью Пала Телеки.

Официальная Венгрия не приняла во внимание этот факт, для нового же премьер-министра это стало авторитетом.

При вступлении Венгрии в войну с СССР для Бардошши авторитетом оставалась воля официальных венгерских кругов. Поэтому он склонил голову перед решением главы государства, хотя оно было поспешным и не соответствовало

конституционному праву. Его пресловутой осмотрительности хватило лишь на то, чтобы начать нападение на СССР с 45 тысячами солдат.

И это серьёзно отличалось от позиции Хенрика Верта и его соратников, которые были готовы послать на фронт почти всю армию.

Отправленные на фронт солдаты составляли всего ***полтора процента*** всего военного состава германских войск, начавших наступление на СССР. За этим решением скрывалось убеждение премьер-министра в том, что тактика минимальных шагов приведёт к успеху: спасёт страну от «атмосферного» давления Германии и даст ей свободу действий.

Всё произошло иначе.

Бардошши заблуждался, когда верил в успех минимальных шагов. Они могли продолжаться и после начала военных действий, но само заявление 27 июня было чрезвычайно тяжким шагом.

Не слепой рок, как полагают многие, а именно это решение подтолкнуло страну к той наклонной плоскости, которая привела к неизбежному объявлению о состоянии войны с двумя другими мировыми державами.

И это большая разница по сравнению с июньской драмой.

Не следует заблуждаться, в создавшейся ситуции Венгрия не могла избежать войны с СССР, но это могло произойти иначе.

В истории большое значение имеют понятия **когда** и **как.**

В любом случае они несут в себе формирование истории, а иногда и перемену в судьбе страны.

Состояние войны с Великобританией, наступившее в начале декабря 1941 года, так или иначе было неизбежным. Лондон – по воле Сталина – послал Венгрии ноту, требование которой было невыполнимым.

Спустя неделю – теперь уже по воле Гитлера – Венгрия оказалась в состоянии войны с США, что тоже **было неизбежным**.

Ведущая войну с СССР, находящаяся в состоянии войны с Англией и в плохих отношениях со всеми соседними государствами, не получившая поддержку от итальянского союзника Венгрия избрала единственный путь, путь приспособления.

Такова судьба небольшого народа, оказавшегося между Адольфом Гитлером и Иосифом Виссарионовичем Сталиным.

Судьба этой страны формировалась под сенью исторического прошлого, геополитического положения и – в немалой степени -- ошибочной политикой господствующей в то время элиты.

Спасибо за внимание.

Перевод Риммы Далощ